

ЯВЛЯЕТСЯ ЛИ ПРИБАЛТИКА ЧАСТЬЮ ПОСТСОВЕТСКОГО ПРОСТРАНСТВА?

ОЛЬГА ВЕНДИНА
ВЛАДИМИР КОЛОСОВ
АЛЕКСАНДР СЕБЕНЦОВ
Институт географии РАН, Москва, Россия

Резюме

В статье рассматривается вопрос правомерности отнесения прибалтийских государств и, в частности, Эстонии как страны, добившейся наибольших успехов в евроинтеграции, к постсоветскому пространству. Проанализированы выступления и интервью руководителей эстонского государства, новостные программы одного из ведущих каналов телевидения в течение года и содержание эстонских школьных учебников истории за весь постсоветский период. Хотя эстонские политики оценивают свою страну как «настоящего» члена ЕС, в отличие от «бедных родственников» из Южной Европы с их кризисами, коррупцией и финансовой неадаптивностью, в символической сфере советское наследие еще далеко не преодолено. В официальном политическом дискурсе национально-государственная идентичность и парадигма развития страны по-прежнему определяются через противопоставление с Россией. Новых оснований для выработки эстонской идентичности, нацеленной на интеграцию ее населения, по-видимому, не возникло. Консервация политического дискурса эпохи распада СССР, его трансляция на разные социальные и поколенческие этажи общества через СМИ и прямое использование в индоктринации молодых поколений тормозит выход общества из постсоветского состояния и мешает включению внутренних механизмов развития. Несмотря на апелляцию к европейской принадлежности Эстонии, аргументы, используемые для обоснования эстонской идентичности, в самой Европе уже давно переосмыслены. Хотя Эстония по классификации «Фридом Хаус» относится к странам со свободными СМИ, подход, используемый эстонским телевидением при освещении событий в России, практически не отличается от многих других постсоветских стран. Содержание школьных учебников отражает политику формирования национально-государственной идентичности. История страны в значительной степени подменена историей титульной нации. Это предопределяет невозможность нейтрального или объективированного отношения к России. Представление о ней сводится к представлению о государстве, которое отождествляется с первыми лицами, распоряжающимися властью. Отчетливо проявляется тенденция запугивания населения для обеспечения контроля над

Исследование выполнено при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований и Национального центра научных исследований Франции. Проект РФФИ– НЦНИ № 12–06–91052. «Формирование нового восточного пограничья Европейского Союза: теоретические подходы и вызовы практики».

Для связи с авторами / *Corresponding author:*
Email: o.vendina@gmail.com

общественным мнением. Таким образом, *европейское пространство* институтов причудливым образом накладывается на *постсоветское пространство* страхов и общественных настроений.

Ключевые слова:

Эстония; Россия; постсоветское пространство; евроинтеграция; политический дискурс; школьные учебники; информационная политика.

Двадцатилетие распада СССР уже отодвинулось в прошлое, а целый ряд вопросов, поставленных тогда, так и остался без ответов. Во-первых, что такое «постсоветское пространство»? Это *метафора*, обозначающая некоторую территорию, *политическая конструкция*, необходимая для формирования политических альянсов, или это *реально существующий феномен*, нуждающийся в изучении и осмыслении? Во-вторых, если мы полагаем, что постсоветское пространство существует, а мы склонны разделять именно такую точку зрения, то по каким признакам можно судить о наличии осознанной или неосознанной общности между столь разными странами, как, например, Киргизия, Молдавия и Эстония? В-третьих, насколько велик символический капитал России, позволяющий легитимировать ее функции «ядра» постсоветского пространства? Что является источником его формирования — отрицание или, наоборот, акцентирование значимости советского прошлого, нынешние успехи или кризисное состояние постсоветского общества? Высокие цены на энергоносители укрепили надежды российской элиты на превращение нашей страны в «энергетическую сверхдержаву», в распоряжении которой имеются экономические рычаги удержания соседей в сфере своего влияния. Геоэкономика вместо геополитики? Как реагируют на изменение тренда бывшие советские республики — нынешние независимые государства?¹

Для того чтобы ответить на поставленные вопросы, необходимо проанализировать политические доктрины, используемые в постсоветских странах для утверждения их суверенитета и обозначения бесповоротности ухода из прежней системы отношений с метрополией, а также трансляция этих идей СМИ и системой образования, формирующей геополитическую картину мира молодых поколений. Почему именно доктрины и выражающий их политический дискурс? Не правильней ли обратиться к анализу экономических связей, которые дают надежную и верифицируемую базу для выводов, освобождая их от субъективности мнений? К сожалению, экономика, несмотря на ее громадное значение, далеко не всегда определяет политическую повестку дня. Поэтому, задавшись вопросом, а действительно ли двадцати лет жизни в «разводе» с Россией оказалось достаточно для окончательного распада пространства бывшей советской империи, мы обратились к анализу высказываний политиков о России и отношениях с ней, информационной картины на экранах телевидения и исторических нарративов школьных учебников.

Для анализа политического дискурса и новостной ленты телевидения был выбран год двадцатилетия распада СССР, а для анализа учебников — весь постсоветский период. Работа была основана не на случайно выбранных из Интернета статьях, но на систематическом анализе речей и вы-

¹О сложности отношений России со странами бывшего СССР свидетельствуют постоянные газовые и продовольственные войны, конфликты, связанные с реализацией крупных проектов. Например, строительство газопровода по дну Балтийского моря вызвало острую реакцию в балтийских странах. Эстонские СМИ называли его «трубой зла», проявлением экономического империализма России. Для противодействия замыслам «коварного соседа» использовались экологические аргументы и выдвигались предложения передвинуть границу эстонских территориальных вод, что значительно затруднило бы сооружение трубопровода. (Аасмяэ Х., Грязин И., Линдпери Х., Партс Ю. Морскую границу Эстонии следует переместить. DzD. ee. [Электронный ресурс] URL: <http://www.veneportaal.ee/politika/01/02010601.htm> (дата обращения: 12.03.2013); Тюрк К. Ось зла? DzD. ee. 20 октября 2005. URL: <http://www.veneportaal.ee/politika/10/24100501.htm> (дата обращения: 12.03.2013)

ступлений первых лиц государства и других ведущих политиков, всех телевизионных сюжетов, полностью или частично посвященных России в течение года, и содержания действующих учебников истории и общественной географии.

*Особое внимание привлекла Эстония, позиционирующая себя как государство, наиболее далеко ушедшее по пути евроинтеграции, политически дистанцированное от России и жестко отстаивающее свои позиции в отношениях с ней*². В мае 2004 г. Эстония стала полноправным членом НАТО и ЕС. Главная стратегическая цель постсоветского периода развития страны — присоединение к западному сообществу — была достигнута, но улучшения двусторонних российско-эстонских отношений не произошло. Напротив, в 2005 г. президент Эстонии отказался приехать в Москву на празднование 60-летия Победы, объясняя свое решение нежеланием России признавать вину за оккупацию в 1940 году; в России это было воспринято как недружественный демарш. В том же 2005 г. была заморожена ратификация уже подписанного российско-эстонского договора о границе³. В начале 2006 году, принимая верительные грамоты нового посла Эстонии, В.В. Путин призвал преодолеть груз прошлого в российско-эстонских отношениях. Главе российского государства косвенно ответил его эстонский коллега Арнольд Рюйтель, убежденный, что «забыть историю» и «начать с чистого листа невозможно». По-

зиции Рюйтеля придерживается и нынешний президент Эстонии Тоомас Ильвес⁴. В 2007 г. разразился скандал с переносом памятника советским воинам, павшим в боях за Таллинн («Бронзового солдата»), из центра города на мемориальное кладбище [Колосов, Бородулина 2007а: 101-107; Колосов, Бородулина 2007б: 36-51]. В 2011 г. возник скандал вокруг эстонского евро с «неточным» изображением границ эстонского государства. Все эти события, шлейф которых тянется до сих пор, сопровождались яркими выступлениями политиков.

1

Эстонский геополитический дискурс в отношении России опирается на три основные идеи.

Россия как конституирующий «чужой». Представление о России как принципиально «другой» стране, от которой Эстонии необходимо всячески отгородиться, составляет основу политического дискурса эстонских политиков. Соседство с Россией не только не несет в себе выгод, а чревато разнообразными угрозами — военными, экономическими, культурными [Berg, Oras 2000: 601-625]. В адрес партнеров по НАТО и ЕС постоянно звучат упреки в неготовности ставить перед российским руководством принципиальные вопросы о свертывании демократии и империалистической политике по отношению к новым независимым государствам. За «оппортунизм» Запада приходится рас-

² Рябов А. *Постсоветские государства: тупики политико-экономического развития на фоне политико-экономического многообразия*. Доклад на совместном семинаре Института Кеннана в России и Горбачев-Фонда «Вызовы политического разнообразия в постсоветском мире». Москва, 29 ноября 2012. [Электронный ресурс] URL: http://www.gorby.ru/userfiles/ryabov_doklad.pdf (дата обращения: 16.04.2013)

³ Как известно, эстонский парламент добавил к уже подписанному документу преамбулу, которая, по мнению российской стороны, позволяла в будущем возобновить территориальные претензии к России. МИД РФ предложил начать новый раунд переговоров, Эстония отказалась. В ответ российская сторона денонсировала договор. Ситуация зашла в тупик и была сдвинута с мертвой точки только летом 2013 г.

⁴ Речь Президента Республики у монумента победы в Освободительной войне 14 июня 2011 г. Официальный сайт Президента Эстонской республики. 14.06.2011. [Электронный ресурс] URL: <http://www.president.ee/ru/official-duties/speeches/6208--14-2011-/index.html> (дата обращения: 16.04.2013)

⁵ Эдгар Сависаар: 2009 год в политике Эстонии. Столица, 16.11.2009. [Электронный ресурс] URL: <http://stolitsa.tallinn.ee/?pid=138&nid=6788&lang=7> (дата обращения: 17.06.2013)

плачиваться малым странам. *«Не секрет, что Эстония была вынуждена аннулировать запрет на получение Шенгенской визы российскими политиками под давлением России, о чем наши министры узнали в брюссельских кулуарах. Это был тяжелый и уничижительный удар, нанесенный с тыла»*⁵. *«Если с равнин Сарматии в один прекрасный день вновь начнется наступление, то Эстония останется одна, преданная и униженная, как всегда»*, — патетически писал Эдгар Сависаар⁶.

Эстония — правопреемница довоенной Эстонской республики, а не ЭССР. В своих выступлениях первые лица эстонского государства рисуют свою страну как жертву длительной жестокой оккупации со стороны значительно превосходящего ее по территории и численности населения империалистического соседа — России. Президент Тоомас Ильвес не жалеет эпитетов для характеристики исторической судьбы своей «многократно растерзанной родины»⁷. Особенно тяжелые воспоминания связаны со сталинскими депортациями, годовщина которых ежегодно отмечается 14 июня. *«Это было желание чужой власти — разметать наш народ, уничтожив его лучших сыновей и дочерей. Попытка расколоть Эстонию, а также уничтожить память о собственной государственности и возможность обретения независимости»*⁸.

Хотя в Москве подчеркивают, что Россия — не Советский Союз и другие народы бывшего СССР, в том числе и русские, не меньше пострадали от сталинского режима, эти аргументы звучат для

Эстонии неубедительно. Во-первых, репрессированные русские стали жертвами своего режима, тогда как коренные народы Балтии — внешней силы, оккупантов. К тому же малым народам репрессии нанесли больший урон, чем преобладавшим в СССР русским. Во-вторых, Россия провозгласила себя государством-преемником СССР, на ее совести сокрытие и непризнание преступлений советской власти. В-третьих, ответственность за аннексию и оккупацию несут именно русские, поскольку они составляли ядро советской правящей элиты, и именно на основе русского языка и культуры строилась советская культура, навязанная оккупированным странам.

СССР — «тюрьма народов». Большой резонанс в странах Балтии вызвало высказывание Путина о том, что распад СССР был крупнейшей геополитической катастрофой современности⁹. С точки зрения балтийского соседа, такой катастрофой было создание СССР, а его дезинтеграция — восстановлением справедливости.

Весь советский период в Эстонии рисуется исключительно в черном свете. Советский Союз был «преступным государством», «коллективным тюремным лагерем», в котором томился «арестованный и депортированный» эстонский народ, «несмотря ни на что сохранивший свой язык, свою культуру, свое упорство». Обо всем советском у эстонского народа осталась недобрая память, а те, кто не согласен с таким мнением, заблуждаются. *«Я не хочу сравнивать статистические показатели*

⁵ Сависаар Э. Полтора года в НАТО — что изменилось? Dzd.ee. Postimees. [Электронный ресурс] URL: <http://www.veneportal.ee/politika/11/08110501.htm> (дата обращения: 17.06.2013)

⁷ Речь Президента Республики по случаю Дня независимости 24 февраля 2011 г. Официальный сайт Президента Эстонской республики. [Электронный ресурс] URL: <http://www.president.ee/ru/official-duties/speeches/5702--24-2011-/> (дата обращения: 17.06.2013). «Слезоточивая концепция истории» (Ф. Тома), типична для большинства бывших социалистических стран Европы и многих советских республик. Такие концепции используются как инструмент государственного строительства и сплочения титульной нации.

⁸ Ильвес, Эргма и Ансип: Депортация — страшное деяние, ставшее синонимом смерти. DzD.ee. Политика. 14.06.2011. [Электронный ресурс] URL: <http://www.dzd.ee/469488/ilves-jergma-i-ansip-deportacija-strashnoe-dejanie-stavshee-sinonimom-smerti> (дата обращения: 07.08.2013)

⁹ Послание Федеральному Собранию Российской Федерации. 25.04.2005. Официальный сайт Президента России. [Электронный ресурс] URL: <http://archive.kremlin.ru/text/appears/2005/04/87049.shtml> (дата обращения: 10.10.2011)

сейчас и 20 лет назад, — говорил президент Ильвес. — Тогдашние цифры не отражают действительности и, следовательно, не дают возможности объективно измерить уровень жизни народа или объем экономики. Но я вместе с большинством народа оставляю за собой право категорически не соглашаться с утверждением о том, будто жизнь в конце Советской Эстонии и непосредственно после восстановления независимости была лучше, чем сейчас»¹⁰.

Несмотря на последовательность эстонского политического курса в отношении России и уверенность политиков в том, что, во-первых, их позицию поддерживает большинство народа, и, во-вторых, что евроинтеграция позволила избавиться от советского наследия, в их выступлениях звучат нотки разочарования. Бывший президент Рюйтель в день своего 85-летнего юбилея замечает, что «сегодняшняя Эстония не совсем соответствует его мечтам», а действующий президент Ильвес, выступая перед Рийгикогу, упоминает о «недоработках» в интеграционной и образовательной политике и «прочности советских штампов»¹¹. Недоработки политиков ликвидируют СМИ и система образования.

2

После распада СССР эстонское телевидение довольно быстро перешло на эстонский язык вещания. Это привело к усилению позиций государственного языка в телеэфире, но одновременно способствовало «уходу» русскоязычного населения в российское информационное поле, создавая *раздвоенность медийного пространства Эстонии, особенно телевизионного*. Со вре-

менем интерес к российскому телевидению стали проявлять и этнические эстонцы. Усиление «мягкого влияния» России встретило политические элиты¹². Противостоять ему была призвана популярная среди эстонцев новостная передача «Актуальная камера» (АК), которая выходит на эстонском и русском языках и представляет «выверенную» точку зрения на происходящие события. Разъяснительная работа телевидения среди населения была призвана способствовать интеграции «серопаспортников» и других русскоязычных жителей Эстонии. Анализ новостного контента АК о России, объем которого в 2011 г. составил 920 репортажей, позволяет понять, какие идеи рассматриваются как интегрирующие.

Россия — угроза эстонской государственности, ее близость провоцирует экзистенциальные страхи. Бывший президент Финляндии Тарья Халонен, отвечая на прямой вопрос журналиста АК, обратила внимания на иррациональность этого страха, назвав настороженное отношение к России «постсоветским стрессом»¹³. Эстонские комментаторы предпочитают смотреть шире и говорить о социально-политическом феномене, общем для Центрально-Восточной Европы. Апелляция к общим явлениям позволяет уходить от вопросов использования «страхов» в целях манипуляции эстонским общественным мнением.

В контексте российской угрозы и «неадекватности» российских политиков телевидение рассматривало и состояние российско-эстонских приграничных отношений, прежде всего вопрос о ратификации соглашения о границе. Из сообщений те-

¹⁰ Ильвес: членство в ЕС и в НАТО укрепило безопасность и экономику Эстонии. Речь Президента республики на Празднике Победы в Тарту. 23 июня 2011. [Электронный ресурс] URL: <http://rus.err.ee/estonia/fc35cba4-5d1d-44ee-8708-ac9d40295f85> (дата обращения: 11.04.2013)

¹¹ Речь Президента Республики на первом заседании Рийгикогу 4 апреля 2011 г. Официальный сайт Президента Эстонской республики [Электронный ресурс] URL: <http://www.president.ee/ru/official-duties/speeches/5926--4-2011-/> (дата обращения: 17.06.2011)

¹² Ребане: «эстонских русских» формирует ПБК. RUS.ERR.EE. — 15.03.2011. [Электронный ресурс] URL: <http://rus.err.ee/estonia/3effb1fe-20ef-4865-991a-b90b9cd011a2> (дата обращения: 17.06.2011)

¹³ Посол Финляндии: нам с Эстонией нельзя соревноваться в недоверии к России. RUS.ERR.EE. — 22.01.2011. [Электронный ресурс] URL: <http://rus.err.ee/estonia/d8e8edee-b1e8-4716-a6c7-9258e3804eb9> (дата обращения: 17.06.2011)

леканала следовало, что проблемы возникли, потому что Россия «капризничала», тогда как Эстония действовала конструктивно. Скандал, вызванный новым евро, выпущенным в 2011 году, на обратной стороне которого была изображена Эстония с границами, не вполне соответствующими действительным, интерпретировался как *паранойя* отдельных антиэстонски настроенных российских политиков¹⁴.

Экономика — драйвер двусторонних отношений, но нельзя забывать о рисках. В отличие от политики, экономические новости характеризовались осторожным оптимизмом¹⁵. После кризиса 2008 г. география внешней торговли Эстонии претерпела существенные изменения: многолетний тренд снижения роли России в структуре эстонской внешней торговли сменился ростом; вырос и поток российских туристов, что вызвало настоящий бум на рынке туристических услуг¹⁶. Этим тенденциям соответствовал и экономический блок новостей, отражающий стремление бизнеса убедить общество и политический истеблишмент в необходимости углубления двусторонних экономических связей¹⁷.

Но экономика давала повод не только для оптимизма, но и скепсиса. С большим недоверием, перерастающим в ощущение экономической угрозы и недобросовестной конкуренции, рассказывалось о крупных проектах, реализуемых в российских регионах Балтии. Строительство Балтийской АЭС в Калининградской области и строительство Ленинградской АЭС-2 характеризовались как «экологическая угроза» и «энергетический капкан», заготовленный для всех балтийских стран¹⁸. Глубоко скептически оценивался проект скоростной магистрали «Рига-Москва», поскольку он, во-первых, идет вразрез с задачами экономической и социальной евроинтеграции, а во-вторых, может привести к неэффективному расходованию эстонского бюджета, так как эксплуатация дороги будет зависеть от непредсказуемого поведения России¹⁹.

Память о прошлом. Ключевая идея — у России и Эстонии разная память об общих событиях прошлого. Даже факт сохранения части законодательства Эстонской ССР в современных условиях подается журналистами, со ссылкой на эстонский

¹⁴ Айн Тоотс: *Эстония, как и в советские времена, опять без своей валюты*. RUS.ERR.EE. — 11.01.2011. URL: <http://rus.err.ee/radio4/624256ce-d423-4917-b5b7-c1c253ba6b7e>. Посольство РФ: в вопросе о границе фантазии неуместны. RUS.ERR.EE. — 07.01.2011. [Электронный ресурс]. URL: <http://rus.err.ee/foreign/db5c14ba-b3f6-4dc8-9078-d0150b675196> (дата обращения: 17.06.2011)

¹⁵ Урмас Паэт: *Отношения с Россией за год потеплели*. RUS.ERR.EE. — 23.08.2011. [Электронный ресурс]. URL: <http://novosti2.err.ee/index.php?Page=Article&Id=212892> (дата обращения: 17.06.2011)

¹⁶ *Туристов из Москвы на вокзале будут встречать с песней*. RUS.ERR.EE. — 19.07.2011. [Электронный ресурс]. URL: <http://novosti2.err.ee/index.php?Page=Article&Id=210006>. (дата обращения: 17.06.2011); *Поток туристов из России бьет рекорды*. RUS.ERR.EE. — 02.01.2011. [Электронный ресурс]. URL: <http://rus.err.ee/estonia/Od519f48-87d3-4128-ad85-9bb1de67e747> (дата обращения: 17.06.2011)

¹⁷ Глава ЭЖД: *порт в Усть-Луге ударит по эстонскому транзиту*. ERR.EE. — 09.05.2011 [Электронный ресурс]. URL: <http://rus.err.ee/topnews/d017223a-b9d8-492d-b18b-293e125c85c2>; *Из порта Усть-Луги вышел первый нефтяной танкер транзиту*. RUS.ERR.EE. — 31.01.2011. [Электронный ресурс]. URL: <http://rus.err.ee/economy/54c01744-3759-46b7-b1cc-7261e05c827c> (дата обращения: 17.06.2011); *Вяхи: В отношениях с Россией Эстонии следует быть прагматичной*. RUS.ERR.EE. — 16.09.2010. [Электронный ресурс]. URL: <http://novosti2.err.ee/index.php?Page=Article&Id=214949> (дата обращения: 17.06.2011)

¹⁸ *Страны Балтии могут попасть в энергетический капкан*. RUS.ERR.EE. — 18.06.2011. [Электронный ресурс]. URL: <http://rus.err.ee/economy/dd759e5f-39c9-4489-862a-ff8d9dcd8ba0> (дата обращения: 17.06.2011)

¹⁹ Сийм Каллас: *развитие скоростной железной дороги с Россией противоречит логике*. RUS.ERR.EE. — 13.05.2011. [Электронный ресурс]. URL: <http://rus.err.ee/topnews/Oa200f4f-f898-430b-a99a-Oa4df3144e7c> (дата обращения: 17.06.2011)

Минюст, как неприемлемый²⁰. Критика СССР переадресуется России и русскоязычным жителям Эстонии, стигматизируя их как «пятую колонну» и советских эмиссаров. Исторические даты являются поводом напомнить об исторической несправедливости в отношении Эстонии. Тенденциозная подача информации усиливается эмоциональными высказываниями политиков. Новый взгляд на историю формируется за счет «нового плюрализма» и «объективности», выделения равных объемов эфирного времени событиям, не сравнимым по своему значению. Примером этого служит освещение празднования Дня победы, когда сообщения о «скромном, но красивом» параде в Москве сопровождались детальными репортажами об акции эстонских националистов у российского посольства под лозунгом «Бронзовый солдат оккупировал Эстонию» и украинских националистов во Львове²¹.

Русские и эстонцы: интеграция общества. В эстонских СМИ все стороны социальной жизни страны этнизируются. Этнические аргументы выдвигаются на первый план в репортажах не только о политике, но и об экономике, криминале, спорте²². Этническая принадлежность участников событий объясняет их причины — успех или неудачу. Невинные заголовки вроде «*Во всеэстонском лагере юных*

лыжников не было русских фамилий» не являются исключением. Наличие значимого русского меньшинства (25,5% населения страны, Statistika andmebaas, 2012) — это больной внутренний вопрос. Русские, даже обладающие гражданством, считаются не вполне интегрированными в силу иной культурной идентичности, политических пристрастий, уровня достатка и положения в обществе: в 2010 г. уровень доходов русских был на 21,5% ниже, чем у эстонцев, а уровень безработицы в 2 раза выше (около 23%). Проблемой остается и определенная автономность эстонского и русскоязычного сообществ.

Несмотря на опасения использования русских в качестве «мягкой силы» влияния России на Эстонию [Conley, Gerber 2001: 45] и большое внимание, которое власти и СМИ уделяют «Плану интеграции», эстонскому обществу пока не удастся выйти из интеграционного тупика. Причины, с одной стороны, кроются в выгоды неопределенного статуса «серопаспортников», позволяющего людям свободно перемещаться и находить работу как в странах ЕС, так и в России, а с другой — в невыполнимости требований интеграции. Судя по информационным сообщениям, «интегрированным» в эстонское общество считается не тот, кто живет и работает в Эстонии, знает и со-

²⁰ Некоторые законы ЭССР действуют по сей день. RUS.ERR.EE. — 26.08.2010. [Электронный ресурс]. URL: <http://novosti2.err.ee/index.php?Page=Article&Id=213126> (дата обращения: 17.06.2011)

²¹ Эстонские националисты провели пикет у посольства России. RUS.ERR.EE. — 09.05.2011. [Электронный ресурс]. URL: <http://rus.err.ee/topnews/1039fac7-77c6-4424-be88-748bd687bc64>. (дата обращения: 17.06.2011); Во Львове оскорбили ветеранов и российских дипломатов. RUS.ERR.EE. — 09.05.2011. [Электронный ресурс]. URL: <http://rus.err.ee/foreign/3e9baeef-ac35-4b3b-8cec-0392ad33e2cf> (дата обращения: 17.06.2011)

²² Русские легче переносят кризис и активнее ищут работу. RUS.ERR.EE. — 04.07.2010. [Электронный ресурс]. URL: <http://novosti2.err.ee/index.php?Page=Article&Id=208187>. (дата обращения: 17.06.2011); Жертвами мошенников из Литвы становятся русские жители ЭР. RUS.ERR.EE. — 20.08.2010. [Электронный ресурс]. URL: <http://novosti2.err.ee/index.php?Page=Article&Id=212986>. (дата обращения: 17.06.2011); Во всеэстонском лагере юных лыжников не было русских фамилий. RUS.ERR.EE. — 24.08.2010. [Электронный ресурс]. URL: <http://novosti2.err.ee/index.php?Page=Article&Id=212964>. (дата обращения: 17.06.2011); Каждый третий заключенный в Эстонии не имеет гражданства. RUS.ERR.EE. — 13.03.2011. [Электронный ресурс]. URL: <http://rus.err.ee/estonia/5675ff26-dfb2-43d6-9b6f-8fa11f15b98b>. (дата обращения: 17.06.2011); Лауристин: у русской молодежи очень низкая самооценка. RUS.ERR.EE. — 04.11.2010. [Электронный ресурс]. URL: <http://rus.err.ee/estonia/Ofd3caf8-0730-4bee-8093-1debda926539> (дата обращения: 17.06.2011)

блюдает ее законы, участвуя в жизни местного сообщества, а тот, кто свободно владеет эстонским языком, считает Эстонию своей родиной, является ее гражданином и отождествляет себя с эстонцами. Такие «нюансы» в трактовке интеграции означают перенос акцентов с социально-политической сферы жизни на этнокультурную, что на практике означает невозможность интеграции русского и русскоязычного населения без ассимиляции и смены идентичности²³.

Регулярно проводимый мониторинг интеграции эстонского общества свидетельствует о том, что спустя более 20 лет после обретения независимости среди неэстонцев доля плохо интегрированных в эстонское общество сохраняется на уровне 40%. Конечно, если взглянуть на интеграцию иначе и использовать иные критерии ее определения, то и результат будет менее обескураживающим. По словам Марью Лауристин, проведенные опросы и фокус-группы выявили «русскоязычных патриотов Эстонии», слабо владеющих эстонским языком, но обладающих сильной гражданской идентичностью, и в то же время преимущественно молодых людей, которые очень хорошо владеют эстонским языком, но не демонстрируют лояльности эстонскому государству²⁴.

Реформа образования — вопрос, волнующий население всех постсоветских стран. В освещении реформы на эстонском телевидении основной акцент де-

лался на присоединении части русских школ к эстонским и «эстонизации» оставшихся. Согласно официальной позиции, ученики русских школ, чтобы быть конкурентоспособными во взрослой жизни, должны не просто знать эстонский язык, но и обучаться на нем. Такая установка определяет необходимость сокращения удельного веса школьных предметов на русском языке (не более 40%) и фактически исключает русские классы в эстонских гимназиях. Один из главных аргументов — «низкое качество» образования на русском языке. Представители власти говорили об этом как о бесспорном факте, несмотря на приводимые рейтинги образования, где несколько русских школ занимают первые строки²⁵. Есть и иные причины в пользу перехода на эстонский язык обучения: у русских учителей якобы нет возможностей повышать свою квалификацию, а у институтов и университетов — готовить молодых педагогов для русских школ²⁶.

З

Школьные учебники о роли России в истории Эстонии. Ни одна из школьных дисциплин не является столь идеологизированной, как история, закладывающая в сознание молодого поколения представления о своем народе, его праве на государственный суверенитет, свою территорию, месте страны в мире и ее отношениях с соседями. Иван Курилла, давно и профес-

²³ О подмене интеграционных подходов ассимиляционными прямо говорит главный редактор журнала «Vikerkaag» Мярт Вялятага. «Наши русские брошены под ноги ассимиляции У нас есть два варианта: сделать русских чернорабочими, преступниками, гражданами второго сорта или обеспечить для них такую же возможность для культурного самовыражения и образования. Официально выбран первый вариант» (Журналист: русскоязычное население Эстонии решено ассимилировать. RUS.ERR.EE. — 24.08.2010. [Электронный ресурс]. URL: <http://rus.err.ee/estonia/f0d8c71a-6c8b-4948-932f-511225028030> дата обращения: 01.12.2013).

²⁴ Мониторинг интеграции в обществе и картографирование данной области 2011. PRAXIS. 2011. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.praxis.ee/index.php?id=953&L=2> (дата обращения: 10.12.2013)

²⁵ Русские школы поднялись в рейтинге результатов госэкзаменов. RUS.ERR.EE. — 24.08.2010. [Электронный ресурс]. URL: <http://novosti2.err.ee/index.php?Page=Article&Id=212923>. Лукас: Общий уровень русских школ упал. RUS.ERR.EE. — 24.08.2010. [Электронный ресурс]. URL: <http://novosti2.err.ee/index.php?Page=Article&Id=212995> (дата обращения: 30.11.2011)

²⁶ Катри Райк: на русском языке учителей готовить не будут. RUS.ERR.EE. — 28.08.2010. [Электронный ресурс]. URL: <http://rus.err.ee/estonia/e5313d86-b8fa-49c6-9711-5eb9e3a5834f> (дата обращения: 17.06.2013)

сионально занимающийся проблемой школьных учебников, подчеркивает, что их содержание является компромиссом между историей как наукой и историей как нарративом коллективной идентичности [Курилла 2013: 5]. Необходимость формировать граждан новых государств на всем постсоветском пространстве заставляла пересмотреть содержание школьных учебников. Новая реальность рождала новую историческую очевидность²⁷. От учебников ждали политически «правильного» взгляда на историю. Востребованность такого подхода была тем выше, чем значительнее были социальные и этнокультурные расколы в обществе, проявившиеся даже в малых странах и препятствовавшие выработке единого исторического нарратива. Региональные и этнические истории не укладывались в его прокрустово ложе. Быстро преодолеть эту трудность было невозможно, поиск консенсуса требует времени и длительных научных и общественных дискуссий. Поэтому история как система знаний была потеснена историей как политикой формирования национально-государственной идентичности. Образовательные акценты в учебниках истории были смещены, представление о стране сводилось к представлению о существующем государстве, а его история подменялась историей титульной нации, формирование которой уходило корнями в глубокую древность²⁸. Это предопределило невозможность нейтрального или объективированного отношения к России на всем постсоветском пространстве. Эстонские школьные учебники истории не являются исключением.

Эстония — западная цивилизация. В изложении эстонской истории от древнейших времен до наших дней авторы учебников вооружены *теорией цивилизаций*. Их выводы и сама подача материала базируется на нескольких допущениях. Во-первых,

объективное существование цивилизаций, неизменных культурных кодов и устойчивых межцивилизационных различий/барьеров признается строгой научной истиной. Во-вторых, ставится знак равенства между цивилизацией и культурой, а культура сводится к языковому единству и традициям. Следует вывод о латентном существовании эстонской нации, сложившейся на основе культуры еще в глубокой древности. В-третьих, западная цивилизация, к которой себя причисляет Эстония, рассматривается с позиций современности, тогда как соседняя «незападная» цивилизация ассоциируется с «досовременностью», а значит, отсталостью.

С «цивилизационных» позиций первые контакты предков эстонцев (эстов) с русскими представляются как череда грабительских набегов князей Ярослава Мудрого (1019–1054) и Изяслава (1030–1060), давая отпор которым «эсты превратились в мощную силу, способную отстоять свою независимость» [Мяэсалу и др. 1997а: 25]. Затем наступает «период борьбы за независимость» (1208–1227) против наступающих на эстонские земли крестоносцев. Кратковременный и «вынужденный» союз с одним из русских князей [Мяэсалу и др. 1997а: 48] лишь ненадолго отложил раздел эстонских земель между немцами (Ливония) и датчанами (Эстония). *В версии учебника девяностых годов этот факт трактуется как трагический эпизод борьбы с внешними угнетателями, двухтысячных — как удача, включение в западноевропейский мир, поворотный момент в эстонской истории* [Адамсон, Валдмаа 2000: 36–38].

Последующие события разворачивались в духе идей столкновения цивилизаций. Словосочетание «восточная угроза» повторяется в тексте неоднократно, что наряду с другими характеристиками создает ощущение, что на восточных рубежах праж-Эстонии располагалось варварское, хищ-

²⁷ Детально вопросы пересмотра истории рассмотрены в коллективном труде: Past in the Making. Historical Revisionism in Central Europe after 1989 [Kopeček M. (Ed.): 2008]

²⁸ Обзор школьных учебников истории постсоветских государств приведен в детальном, хотя и тенденциозном докладе «Освещение общей истории России и народов постсоветских стран в школьных учебниках истории» [Данилов, Филиппов 2009: 389]

ническое государство, жизнеспособность которого поддерживалась только грабительскими набегами: «у Русского государства не было ни портов, пригодных для морской торговли, ни намерения их построить. Проще было завоевать уже имеющиеся» [Адамсон, Валдмаа 2000: 47].

Национальная катастрофа и остзейский порядок. К 1645 г. вся территория современной Эстонии оказалась под властью шведской короны. Этот период характеризуется как «старое доброе шведское время» [Адамсон, Валдмаа 2000: 74]. Бурное развитие городов и торговли, готовящаяся отмена крепостного права, основание Дерптского (Тартуского) университета и начало народного образования — вот реальные достижения, на фоне которых следующие события представляются национальной катастрофой. Ее выражением стало включение Эстонии в состав России в результате Северной войны (1700–1721) и прорубания Петром I «окна в Европу с широким подоконником». В учебниках подробно описывается героическая борьба эстонского народа с «русскими захватчиками» и неизменно упоминается о 15 тысячах эстонцев, которые верно служили шведскому королю и дослужились до офицерских званий. Приводятся и имена национальных героев того периода, главным среди которых называют Стефаана Раабе, который провел шведских воинов в тыл кавалерии Б.П. Шереметьева [Мяэсалу и др. 1997: 126]. Авторы опровергают мнение российских и советских историков о благоприятности последовавшего мирного двухсотлетия для развития Эстонии, поскольку «Россия вела непрерывные войны, и это не могло прямо или косвенно не отразиться на положении в Эстонии» [Адамсон, Валдмаа 2000: 92].

Введенный Петром I после присоединения Прибалтики особый Остзейский порядок (Балтийский ландесштаат), который предусматривал сохранение привилегий для местного дворянства, в основном остзейских немцев, рассматривается в школьных учебниках неоднозначно. С одной стороны, императора, по воле которого «нео-

граниченная власть остзейского дворянства сопровождалась подавлением прав исконных жителей этих земель — эстонцев», ругают [Мяэсалу и др. 1997а: 134], но с другой, он характеризуется положительно, поскольку способствовал оформлению эстонской и латвийской государственности [Адамсон, Валдмаа 2000: 94–95; Мяэсалу и др. 1997b: 13].

Введение Екатериной II на короткое время «наместнического порядка» в рамках административной реформы в учебниках осуждается. Указывается, что попытки привести местное законодательство в соответствие с общеимперским вызвали возмущение: дворянство лишилось своего прежнего привилегированного положения, а крестьянство после введения государственного «подушного налога» обрело новые тяготы. Подавление мятежей происходило с использованием русской армии. Негодование по поводу жестокости русского войска и его начальников не мешает с явной симпатией рассказывать об Иоганне фон Михельсоне — «генерале эстонского происхождения», который примерно в то же время «прославился как усмиритель пугачевского восстания» [Адамсон, Валдмаа 2000: 100–102].

Последствия нахождения Эстонии в составе Российской империи. Несмотря на двести лет пребывания в составе Российской империи, когда тысячи нитей связывали экономику и элиты единого государства, у школьников формируется представление о самостоятельности развития Эстонии и о России как внешней силе, препятствовавшей экономической, политической и культурной жизни эстонского народа. Это впечатление усиливает частое упоминание особого статуса прибалтийских земель и встречающиеся по разным поводам ссылки на общую отсталость Российской империи в сравнении с остальной Европой, куда «цивилизационно» включаются и сами эстонские земли. Внешний характер отношений с Россией проявляется и при краткой характеристике Наполеоновских войн, в

частности, событий Тильзитского мира (1807), приравниваемого к «пакту Молотова-Риббентропа»²⁹.

Учебник подводит к выводу: пребывание в составе Российской империи стало главным тормозом развития эстонских земель, причиной отсталости их общественного уклада. Тем не менее нынешние эстонские земли выглядели гораздо благополучнее других территорий империи. Крепостное право было отменено в Эстляндии в 1816 г. — существенно раньше, чем в других российских губерниях. Причины этого, разумеется, не политико-экономические, а культурные — особый Остзейский порядок.

Национальное движение: между русской и остзейской культурой. События второй половины XIX столетия рассматриваются через призму национального пробуждения. Его лидеры: Иоганн Кёлер, Карл Якобсон, Иоханн Яннсен и др. — боролись одновременно с имперской властью и остзейским дворянством. Реакцией Петербурга на эту борьбу стало вытеснение немецкого языка из всех сфер образования и делопроизводства и замещение его в 1892 г. русским. Эстонский язык, использовавшийся преимущественно в сельской начальной школе, также оказался потеснен. Итоги русификации оцениваются авторами учебников неоднозначно. С одной стороны, она нанесла «большой вред» и оказала «разрушительное воздействие» на образование, а с другой — открыла для эстонцев новые карьерные возможности в России. Кроме того, «русификация привела и к последствиям, прямо противоположным ожидавшимся»: часть народа, прежде всего, молодежь «под нажимом только сильнее проникалась национальным духом» [Адамсон, Валдмаа 2000: 127-129].

Иначе в учебниках оценивается влияние культуры остзейских немцев, которая способствовала вхождению эстонцев *как равных* в состав просвещенной Европы, поскольку *остзейская провинциальная культура была частью великой германской культуры* [Адамсон, Валдмаа 2000: 139].

Сведение русской культуры к политике русификации и полицейским мерам имперского правительства при одновременном преувеличении значимости остзейской культуры создает путаницу. Не ясно, почему многие видные деятели эстонской науки и культуры отправлялись учиться и работать в Петербург, где и объединились наиболее активные деятели эстонского национального возрождения.

Роль России в развитии нынешней эстонской территории выводится за скобки и при рассмотрении экономических итогов XIX века. Строительство в конце XIX века более 50 крупных промышленных предприятий, таких, как Руссо-Балт, завод электрических машин «Вольта», Кренгольмская мануфактура, прокладка сети железных дорог рассматривается авторами как нечто само собой разумеющееся вне связи с российским капиталом и политикой российских властей.

Трудный путь к независимости. Революционные события в России нашли «бурный отклик» в эстонском обществе, поскольку «прибалтийские губернии являлись одним из наиболее развитых регионов» империи [Адамсон, Валдмаа 2000: 142-146]. С 1904 по 1914 годы растет влияние этнических эстонцев на муниципальном уровне. Получение власти на местах, многочисленные митинги, стачки и связанные с ними массовые беспорядки способствовали осознанию эстонцами своих национальных интересов.

²⁹ Тильзитский мир, конечно, представлял собой раздел сфер влияния, но это не касалось нынешней территории Эстонии, принадлежность которой к Российской империи никем не ставилась под сомнение. Но все-таки он затронул и Эстонию, поскольку эстонцами в то время, как доказал Жан-Пьер Минодье — автор фундаментального исследования «История Эстонии и эстонской нации», называли себя местные немцы, жившие в городах и желавшие подчеркнуть свое отличие от пруссаков или саксонцев. Сельскую Эстонию процессы роста национального самосознания затронули намного позже. Те же из предков нынешних эстонцев, кто сумел подняться по социальной лестнице, ассоциировали себя не с эстонцами, а с немцами. Поэтому Тильзитский мир, болезненно ударивший по национальным чувствам в Пруссии, отразился и на Эстонии [Minaudier 2007: 402].

Первая мировая война и революционные события 1917 г. рассматриваются как невероятное стечение обстоятельств, открывшее путь к обретению независимости. Февральская революция была активно поддержана в Эстляндии. Уже весной 1917 г. было издано постановление Временного правительства о включении в ее состав районов Лифляндии, населенных этническими эстонцами, и предоставлении новому административно-территориальному образованию широкой автономии. Выбор пути развития зависел от эстонского Учредительного собрания, в котором большевики составляли 40,4% — почти вдвое больше, чем в среднем по России. Авторы учебника предпочитают не замечать, что столь значимая поддержка большевизма в Эстонии означала недоверие значительной части общества сторонникам этнического эстонского государства и буржуазных реформ. Популярность большевизма связывается ими либо с внешними влияниями — русскоязычием и присутствием расквартированных в Эстонии сухопутных и морских частей, либо с наивностью населения, которое «клюнуло» на популистские лозунги [Адамсон, Валдмаа 2000: 160].

24 февраля 1918 г. в Таллинне была провозглашена Эстонская республика, нейтральная по отношению как к России, так и к Германии. Но уже на следующий день новое государство оказалось оккупировано немецкими войсками. Однако Англия и Франция признали независимость Эстонии *de facto* — «Антанте шло на пользу все, что создавало трудности для Германии» [Адамсон, Валдмаа 2000: 164; Мясалу и др. 1997b: 42-45]. В феврале 1920 г. был заключен Тартуский мирный договор. Россия первой признала Эстонскую республику *de jure* и навечно отказалась от каких-либо прав на Эстонию. Двадцатилетний период существования ЭР в качестве независимого государства характеризуется как время восстановления экономики и строительства государственных институтов с опорой на собственные силы.

«Вторую мировую войну Эстония проиграла...». К середине 1930-х годов Эстония

вынужденно «сползает в объятия Германии», так как правительство Эстонии традиционно «ощущало угрозу с Востока» и видело в немцах «единственный реальный противовес Советскому Союзу» [Адамсон, Валдмаа 2000: 200]. При этом оговаривается, что Прибалтика всегда была разменной монетой в играх великих держав, а Эстония была «жертвой» этой борьбы.

Роль Советского Союза в развязывании Второй мировой войны эстонские учебники оценивают по-разному. В одном из них говорится, что *«коммунизм и нацизм, равно претендующие на мировое господство и "окончательное решение" всех мировых проблем, противостояли друг другу»* [Федоров 2001: 100]. В другом оценки мягче. В отличие от фашистов, *«большевики, будучи номинально интернационалистами, вели борьбу во имя того, что они считали счастьем для всего человечества»* [Адамсон, Валдмаа 2000: 200]. Учебник трактует участие многих эстонцев в войне на стороне Германии как осознанную необходимость, оправданную задачами национально-освободительной борьбы. Цели эстонских патриотов, боровшихся со сталинизмом, были чисты, их действия на стороне фашистов были вынужденными, а оценки перспектив по-человечески понятной ошибкой. Одновременно признается, что советский и фашистский режимы не были эквивалентны, хотя и тот и другой принесли большие несчастья.

Гораздо острее учебники характеризуют подписание Договора о ненападении между СССР и Германией, более известного как «пакт Молотова-Риббентропа»: переговоры СССР одновременно и с Германией, и с западными державами рассматриваются не столько как попытка обеспечить собственную безопасность, сколько как стремление оккупировать соседние страны [Адамсон, Валдмаа 2000: 201; Федоров 2001: 169]. Итоги первого года советской власти в Эстонии оцениваются как катастрофические. Небольшой экономический рост, связанный со строительством советских военных баз, перевешивается длинным списком потерь — от ограбления населения

в результате неэквивалентного обмена кроны на советские рубли до массовых репрессий.

Боевые действия на территории Эстонии трактуются противоречиво. Немецкие части предстают то как «освободители» от советской оккупации, то как новые поработители, которые планировали осуществить германизацию эстонского народа. В учебниках нет однозначного осуждения преступлений, совершенных эстонскими формированиями СС и связанными с ними полицейскими подразделениями. Вступление на территорию Эстонии советских войск рассматривается как новая оккупация. Авторы отмечают, что советская власть «в нарушение даже советских законов» присоединила к РСФСР населенные преимущественно русскими волости Печерского края и Занаровья, а также Ивангород. Общий итог: *«Эстония оказалась в числе проигравших Вторую мировую войну»* [Адамсон, Валдмаа 2000: 221-223].

Колониальная судьба советского Запада. Тезисы о нелегитимности советской власти в послевоенной Эстонии, «отстранении» эстонского народа от управления своей страной, его неучастия в собственной истории, которая творилась в Москве, позволяет авторам учебников трактовать советский период как «эпоху колониализма». Превращение Эстонии в колонию имело несколько следствий. Первое – русификация: авторы имеют в виду не языковую политику, как, например, на Украине, а миграцию. Приток населения, не знающего и не особо стремящегося осваивать эстонский язык, виделся эстонцам покушением на основы национальной культуры и идентичности. Подчеркивается чуждость русскоязычного населения, называемого «иностранными рабочими» или ещё чаще

«инородцами». Обеспокоенность чистотой нации заставляет авторов не только вспоминать о негативном историческом опыте, но и с подозрением относиться к евроинтеграции, поскольку «эстонская культура и эстонский язык уже сейчас испытывают разрушительное воздействие агрессивной англоязычной массовой культуры» [Адамсон, Валдмаа 2000: 225].

Другим проявлением «советского колониализма» была экономическая политика Москвы. «Отличные показатели» роста производства и видимое «улучшение жизни и быта» людей в действительности не отвечали интересам Эстонии, а были для нее пагубными. Улучшение жизни населения – это побочный эффект. *«Эстонцы были хуторской нацией, хуторской образ жизни гарантировал самовоспроизводство эстонскости. Ното soveticus'ы же выращивались в урбанизированной индустриальной среде. Нужно было заманить эстонцев в города в качестве рабочей силы на предприятиях, а в сельском хозяйстве перейти на массовое производство, основанное на использовании машин»* [Адамсон, Валдмаа 2000: 228]³⁰. Исключительно как проблема мигрантов и русификации рассматриваются создание в республике предприятий энергетики, электро- и радиотехнической промышленности, приборостроения.

Возвращение в европейский дом. Эстония, будучи советской республикой, не растратила своего исторического символического капитала. Она была витриной социализма в СССР, «частичкой запада» или даже «советским Западом», что выражалось как в прогрессивной для Советского Союза организации хозяйства, так и в западной ментальности. Поэтому неудивительно, что перестройка привела к быстрому осознанию титульным населением национальных

³⁰ Цитируя этот пассаж из школьного учебника, заметим, что «хуторской» – это сущностная характеристика эстонского народа, используемая политиками для обозначения самобытности. Например, премьер-министр страны Андрус Ансип убежден, что *«если страной и дальше будут управлять на основе здравого хуторского ума, а не исходя из популистских политических соображений, то у нас есть прекрасные возможности однажды достичь самых процветающих стран»* (Ансип: народ Эстонии не снимал с повестки дня цель войти в пятерку богатейших стран. RUS.ERR.EE – 16.10.2013. [Электронный ресурс]. URL: <http://rus.err.ee/estonia/e7fa868a-27fb-49c3-b90e-811c86600c01> (дата обращения: 01.12.2013)

интересов и возникновению противоречий между сторонниками независимого развития эстонского государства и консервативными силами, ратующими за дальнейшее развитие Эстонии в рамках СССР. Идея восстановления эстонской государственности нашла поддержку не только у этнических эстонцев, но и у части русских (около трети русских поддерживали независимость Эстонии). Противостояние Эстонии как отторгнутой части западной цивилизации и российского варварства завершилось возвращением в европейский дом.

* * *

Казалось бы, постановка вопроса о принадлежности Прибалтики вообще и Эстонии в особенности к постсоветскому пространству некорректна. Эстония давно является частью другого геополитического региона, включена в европейские и евроатлантические институты, зону евро. Ей, почти единственной из всех постсоветских республик, удалось избежать системной коррупции, сращивания высшей государственной бюрократии и бизнеса. Эстонские политики оценивают свою страну не только как «настоящего» члена ЕС, в отличие от «бедных родственников» из Южной Европы с их кризисами, коррупцией и финансовой неадекватностью, но и как «пример для других»³¹.

И все-таки вопрос об Эстонии как части постсоветского пространства не лишен смысла. Правда, критерии ее принадлежности нужно искать не в институциональной сфере, а в символической, в конкретной практике «преодоления» советского наследия. Проведенный анализ удивляет неизменно эстонского политического дискурса в отношении России, его лобовой трансляцией через СМИ и прямой индоктринацией молодых поколений через учебники. Трудно избавиться от ассоциаций с «линией партии», в руках кото-

рой «газета» превращалась в «коллективного пропагандиста, агитатора и организатора», а история страны – в прямую дорогу к созданию КПСС, историческая неизбежность возникновения которой была так же очевидна, как и окончательная победа коммунизма. Похоже, что советское наследие, побежденное в Эстонии евроинтеграцией, берет реванш в новых условиях. Что позволяет нам делать такой смелый вывод?

Во-первых, национально-государственная идентичность в Эстонии и парадигма развития страны по-прежнему определяются через противопоставление с Россией. Несмотря на многочисленные политические заявления о европейском выборе и возвращении в семью скандинавских государств, новых оснований для выработки эстонской идентичности, нацеленной на нормализацию социальной ситуации в стране и интеграцию ее населения, не возникло. Консервация политического дискурса эпохи распада СССР и его трансляция на разные социальные и поколенческие страты препятствует выходу страны из постсоветского состояния и включению внутренних механизмов развития.

Во-вторых, несмотря на европейское происхождение, аргументы, используемые для обоснования эстонской идентичности, уже давно устарели и критически переосмыслены³². Поэтому их использование является не столько знаком принадлежности к Европе, сколько отставания от современных европейских процессов. Ощущение «выпадения» Эстонии из европейского пространства усиливается привлечением антиколониального дискурса для поддержания мобилизации населения в противостоянии с исчезнувшей метрополией, а также восприятием членства в ЕС как статуса, подчеркивающего правомерность позиции эстонских политиков в отношении недоевропеизированных соседей, а не

³¹ См., например, Pommereau de. Iz. *Why Estonia may be Europe's model country*. The Christian Science Monitor, May 18, 2011. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.csmonitor.com/World/Europe/2011/0518/Why-Estonia-may-be-Europe-s-model-country> [дата обращения: 30.11.2012]

³² См., например, [Филиппова 2011: 75–84]

как налагаемой на себя ответственности за общее благополучие.

В-третьих, устойчивое воспроизведение политического кредо антисоветских интеллектуальных элит в новых условиях указывает на сохранение постсоветского пространства как пространства идей и настроений, сравнений того, как было, и как стало. Но это не только зона ностальгии по социальной защищенности и уверенности в будущем советского образца, но и *евро-скепсиса*. Вступление Эстонии в ЕС, несомненно, означало гарантии демократии, безопасности и финансовую поддержку, но одновременно способствовало оттоку наиболее активной и образованной части эстонских граждан. В результате «негативной селекции» влияние на эстонское общество «неграждан» и тех, кто не смог встроиться в новую систему отношений, выросло. Их позиции укрепили кризис 2008 года, сужение европейского рынка труда и сокращение европейской финансовой помощи. Согласно данным Евростата, по результатам 2012 г. Эстония по уровню покупательной способности населения оказалась в конце списка европейских стран вместе с Болгарией и Румынией. И это, как подчеркивали эстонские журналисты, *несмотря на постоянно культивируемое мнение, что мы во всех смыслах — лучшие южных соседей. ... Беспристрастные цифры показывают, что экономику не продвинешь одним лишь самовосхвалением и снисходительным отношением к соседям. Одно лишь евро не стало волшебным лекарством, способным улучшить экономику*³³. Сочетание советской ностальгии и евро-скепсиса способствовало активизации дискурса о России как одной из опор эстонской экономики и реанимации постсоветского пространства.

В-четвертых, хотя Эстония по классификации *Freedom House* относится к стра-

нам со свободными СМИ, подход, используемый эстонским телевидением для освещения событий в России, практически не отличается от многих других постсоветских стран. Точка зрения официальных лиц доминирует, «третьи мнения» отсутствуют, так же, как и жанр независимых журналистских репортажей. Отчетливо проявляется тенденция запугивания населения для обеспечения контроля над общественным мнением. Представление о России сводится к представлению о государстве, которое отождествляется с первыми лицами, распоряжающимися властью. В Эстонии, где дискуссии о путях развития демократии, гражданах и гражданстве находятся в фокусе общественного внимания, такая новостная оптика выглядит довольно странно и свидетельствует в пользу сохраняющегося советского подхода к пониманию политического порядка.

В-пятых, наложение *европейского пространства* институтов на *постсоветское пространство* страхов и общественных настроений создает парадоксальную практику социальной жизни. Противоречия между политическим дискурсом и социально-экономическими реалиями, расхождение информации, черпаемой из телевизора и учебников, со сведениями, распространяемыми через Интернет и получаемыми из личного опыта, способствует не столько укреплению патриотизма и национально-государственной идентичности, сколько скептическому отношению к событиям прошлого и настоящего. Вопрос в том, насколько устойчивыми в Эстонии окажутся демократические ценности, позволяющие не только заявлять о европейском выборе страны, но и действовать в соответствии с этим выбором, меняя в том числе и политические конструкции, незываемые в глазах современных эстонских элит.

³³ Эстония попала в число беднейших стран ЕС. Редакционная статья. Õhtuleht, 21.06.2013. InoСМИ.Ru, [Электронный ресурс]. URL: <http://www.inosmi.ru/sngbaltia/20130621/210261382.html> [дата обращения: 30.12.2013]

Список литературы

- Адамсон А., Валдмаа С. История Эстонии: учебник для гимназии. Таллинн: Коолибри, 2000. – 263 с.
- Данилов А.А., Филиппов А.В. Освещение общей истории России и народов постсоветских стран в школьных учебниках истории. М. Государственный клуб. 2009. 391 с.
- Колосов В., Бородулина Н. Российско-эстонская граница: барьеры восприятия и приграничное сотрудничество. // Вестник Института Кеннана в России. М, 2007, Вып. 11. С. 36–51.
- Колосов В.А., Бородулина Н.А. «Бремя геополитики» во взаимовосприятии России и стран Прибалтики. – Международные процессы, 2007, том 5, номер 1(13). С. 101–107
- Курилла И.И. Кто должен писать учебники истории. // Кто боится учебника истории? Волгоградский исторический семинар. Выпуск 4. Волгоград: Изд. ВолГУ, 2013. С. 5–11
- Мяэсалу А., Тынис Л., Луар М., Таннберг Т. История Эстонии в двух частях (на русском языке). Таллинн: Авита, 1997. Часть 1. – 160 с.
- Мяэсалу А., Тынис Л., Луар М., Таннберг Т. История Эстонии в двух частях (на русском языке). Таллинн: Авита, 1997. Часть 2. – 168 с.
- Федоров А. История XX века. Учебник для гимназий. Ч.1. Таллин: Авита, 2001. 175 с.
- Филиппова Е.И. История и память в эпоху господства идентичностей: беседа с действительным членом Французской Академии историком Пьером Нора // Этнографическое обозрение, 2011. – №4. – С.75–84.
- Berg, E. and S. Oras. Writing Post-Soviet Estonia on to the World Map. // Political Geography, 2000, Vol. 19, No. 5. Pp. 601–625.
- Conley H.A., Gerber T.P. Russian soft Power in 21st century: an examination Of Russian compatriot policy in Estonia. Washington: Center for strategic & international studies. 2011. 45 p.
- Kopeček M. (Ed.) *Past in the Making. Historical Revisionism in Central Europe after 1989*. Budapest–New York. CEU PRESS. 2008
- Minaudier J–P. Histoire de l'Estonie et de la nation estonienne. Paris, L'Harmattan, 2007. 402 p.

ARE THE BALTIC STATES PART OF THE POST-SOVIET SPACE?

OLGA VENDINA
VLADIMIR KOLOSOV
ALEXANDER SEBENTSOV

Institute of Geography of the Russian Academy of Sciences, Moscow, 119017, Russian Federation

Abstract

The authors speculate to what extent the concept of the post-Soviet space is relevant to Estonia, which is regarded as the most successful case of Euro-integration. To answer this question, they analyze the speeches of Estonia's political leaders, the content of Estonian TV news channels, and the official version of national history represented by post-Soviet school textbooks. Although the Estonian leaders judge their country as completely meeting the criteria of EU-member states, unlike its "poor relatives" from Southern Europe that are known for their numerous crises, financial problems, and corruption, the authors conclude that the Soviet heritage in Estonia has not been yet overcome. The contraposition to Russia still dominates the official discourse, national identity, and paradigm. There are no new elements of identity building focused on the integration of society into a political nation. The political discourse has not been altered since the time of the USSR's disintegration. Transmitted to different social strata and the young generations via mass media and school education, it places obstacles in the way of leaving the Soviet past and blocks trends to new developments. The arguments being in use to solidify the Estonian national identity have been already re-interpreted in Europe. Though "Freedom House" rates Estonia as a country with a fully independent media, the Estonian TV news-channels cover Russian topics in the same way as the other post-Soviet countries that are not rated in the same way. The

narratives in history textbooks are constructed in line with the official politics of national identity building. The history of the country is substituted by the history of the eponym nation. This approach excludes the more balanced vision of Russia's role in Estonian history. The image of Russia is reduced to the state's government and to the political leader in power. The Russian "bugbear" helps to manipulate public opinion and compensates for the national complex and emerging Euroscepticism. As a result, the European space of institutions coexists with the post-Soviet space of public fillings, phobias, perceptions, and anti-Soviet (anti-Russian) myths.

Keywords:

Estonia; Russia; post-Soviet space; European integration; political discourse; school textbooks; informational policy.

References

- Adamson A., Valdmaa S. (2000) *Istoriya Estonii: uchebnik dlya gimnazii*. [History of Estonia: textbook for gymnasium] Tallinn: Koolibri. 263 p.
- Berg, E. and S. Oras. (2000) Writing Post-Soviet Estonia on to the World Map. // *Political Geography*, Vol. 19, No. 5, pp. 601–625.
- Conley H.A., Gerber T.P. (2011) *Russian soft Power in 21st century: an examination of Russian compatriot policy in Estonia*. Washington: Center for strategic & international studies. 45 p.
- Danilov A.A., Filippov A.V. (2009) *Osveschenie obschey istorii Rossii i narodov postsovetskikh stran v shkolnykh uchebnikakh istorii* [Presentation of common history of the peoples of Russia and former Soviet states in school history textbooks]. Moscow: Gosudarstvennyi klub. 391 p.
- Fedorov A. (2001) *Istoriya XX veka. Uchebnik dlya gimnazii*. [The history of the XXth century. Textbook for gymnasium] Ch.1. Tallinn: Avita, 175 p.
- Filippova E.I. (2011) Istoriya i pamyat v epohu gospodstva identichnostey: beseda s deystvitelnym chlenom Frantsuzskoy Akademii istorikom Perom Nora [History and Memory in the epoch of identities: interview with Pierre Nora, historian, Member of French Academy] // *Etnograficheskoe obozrenie*, №4, pp.75–84.
- Kolosov V., Borodulina N. (2007) Rossiysko–estonskaya granitsa: bareryi vospriyatiya i prigranichnoe sotrudnichestvo [Russian–Estonian border: barriers of perception and cross-border cooperation]. *Vestnik Instituta Kennana v Rossii*. Moscow, Vyp.11, pp.36–51.
- Kolosov V.A., Borodulina N.A. (2007) "Bremya geopolitiki" vo vzaimovospriyatii Rossii i stran Pribaltiki ["The burden of geopolitics" in the mutual perception of Russia and the Baltic countries]. *Mezhdunarodnyie protsessy*, tom 5, N 1(13), pp. 101–107
- Kopeček M. (Ed.) (2008) *Past in the Making. Historical Revisionism in Central Europe after 1989*. Budapest–New York. CEU PRESS.
- Kurilla I.I. (2013) Kto dolzhen pisat uchebniki istorii. [Who should write history textbooks] // *Kto boitsya uchebnika istorii? Volgogradskiy istoricheskii seminar*. Vyp. 4. Volgograd: Izd. VolGU, pp. 5–11
- Minaudier J-P. (2007) *Histoire de l'Estonie et de la nation estonienne*. Paris, L'Harmattan, 2007. 402 p.
- Myaesalu A., Tyinis L., Luar M., Tannberg T. 1997 *Istoriya Estonii v dvuh chastyakh* [History of Estonia in two parts]. Tallinn: Avita, Chast 1. 160 p.
- Myaesalu A., Tyinis L., Luar M., Tannberg T. (1997) *Istoriya Estonii v dvuh chastyakh* [History of Estonia in two parts]. Tallinn: Avita, Chast 2. 168 p.